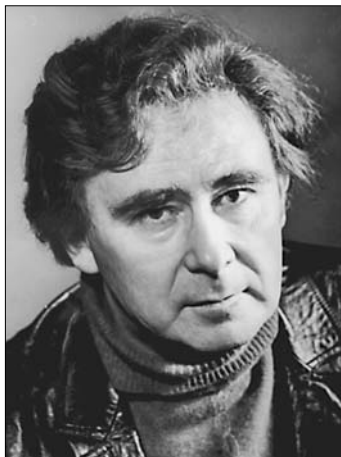

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

ВСЁ СУЩЕЕ — ОТ НЕБА

КРЁСТНАЯ

Лукерье Алексеевне Батраковой

По утрам в одеянии белом
эта дивная из старух
то ли плакала, то ли пела,
то ли Богу молилась вслух.

Никого не видя, не слыша,
устремилась куда-то ввысь...
И лежал я, камушка тише,
в закутке, постигая жизнь.

А потом она — в лютый холод,
потаённо (и я — молчок) —
отнесла меня в храм Николы,
где крестил детей старичок.

...Дом призрения, богаделенка
есть над Волховом. И — погост,
где могилка под снегом беленьким,
окроплённая светом звёзд.

ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич родился в 1931 году. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Автор поэтических книг “Поиски тепла”, “Косые сучья”, “Тишина”, “Новое лето”, “Возвращение в дом”, “Черты лица”, “Однажды на земле”, и др., а также нескольких книг прозы. Лауреат Государственной премии и.м. А.М.Горького. Живёт в Санкт-Петербурге.

ВИНО

*“И, взяв чашу... подал им и сказал: пейте
из неё все: ибо сие есть Кровь Моя...”*

Евангелие от Матфея,
“Тайная вечеря”

Вращался, суетился,
влюблялся, шёл ко дну...
Я к жизни пристрастился,
как пьяница — к вину!

Я жизнью — отформован,
я стал её дружкой.
Не куплен — очарован
любим её штришком!

Всё сущее — от Неба
до червяка в земле
Моё! Хозяйство... Глеба,
что жил — навеселе!

* * *

Поэт-академик! Кому это нужно?
Тому, кто в Поэзии тайны не вник.
И вот заседают протяжно, натужно,
и в старческой перхоти всяк воротник.

Поэт-академик... Представьте Вийона
в ермолке и в тоге — какой-то кошмар!
А наши? Хотя бы Есенин-гулёна:
готов он за тогу похерить свой Дар?!

Заочно меня в этот сан облачили,
похоже, как в саван... Но я — отвернусь.
Я лучше исчезну... куда-нибудь в Чили
и стану в горах вспоминать свою Русь.

Поэт-алкоголик! Вот это — нормально.
В просветах он пишет шальные стихи!
А быть академиком мне — аморально.
Уж лучше на пашне скобить лемехи.

* * *

Жизнь прекратилась, точно звук,
судьбу венчая,
как будто выпала из рук
стекляшка чая!

Увы — не склеить черепки,
не выпить влагу.
Но даже там, в конце Реки —
зови отвагу!

Она поможет превозмочь
финал-разлуку,
когда иссякнешь, канув в ночь,
подобно звуку...

* * *

Я видел извержения вулканов:
Везувия и сопки Ключевской.
Как будто раздражили великанов
людишки-гномы — скукой и тоской.

Я видел извержение кровавой
слепой и гневной лавы — на войне.
Как будто не хватало людям славы
и рвения — на службе сатане...

Я видел извержение восторга
в церквушке сельской — возле алтаря.
А также извержение возле морга
напрасных слёз — при свете фонаря.

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Коль вспыхнет желание вновь,
гаси его... в сердце уколом!
...Запретная зона — любовь,
не к миру, но — к женскому полу.

Курган в безоглядной степи,
корову с обломанным рогом,
да хоть обезьяну — люби!
А женщину пальцем не трогай.

Ты стар... Из груди твоей крик —
на шёпот похож, на чахотку.
...Мне скажут: а Гёте-старик,
в свой час возлюбивший молодку?!

А сколько таких ещё “гёт”
знавала природа людская?
Ах, дедушка, вы — идиот...
А может — порода такая?

ДЕПЕША

Тучная женщина лет сорока
мне улыбнулась, краснея слегка...
И протянула казённый конверт.
Тут подскочил бородатенький ферт
и говорит: “А депеша — не вам!”
Я же, не вняв его дерзким словам, —
вскрыл оболочку, депешу извлёк,
и на меня... полетел потолок!

Чёрным по белому: “Здравствуйте, сэр!
Вас приглашает к себе Люцифер.
Адрес, куда вы явиться должны:
Пьяная ночь, запредельные сны”.
И — закорючка... Из алых чернил.
“Вот и... пожалуйста...” —
ферт пробубнил.
Да невзначай побледнела слегка
тучная женщина лет сорока.

* * *

Я говорил себе: уймись,
не злись на мир,
не лезь в бутылку
и, хоть со скрипом, —
распрямись,
исторгни из себя
ухмылку!
Не получилось...
Цепь разлук
и череда смертей
внезапных...
И выпадало всё из рук,
и отступал я тихой сапой,
забившись в комнату-нору,
писал угрюмые стишата...
А надо было на ветру —
простоволосым, как когда-то!
...Но что-то щёлкнет: где-то там —
в мозгу или в сухой коленке,
и — в электричку: в лес, к цветам!
А там — хоть к дьяволу,
хоть к стенке!